

С самого сотворения мира, формирования общества, народов, поселений, человечество привыкло населять своё пространство духами-хранителями, образами. Ещё древние римляне ввели в наш обиход понятие — Гений места. Та удивительная сущность, оберегающая нас, хранящая наш небольшой, уютный мир, наш собственный камертон духовности, правдивости, правильности и праведности — Гений места. Попадая в то или иное место, неосознанно начинаешь искать его следы, подчас невидимые глазу, но хранимые и оберегаемые самим местом. Явление гения может случиться во всём: в литературном пейзаже, почивающих в безвремье виллах и палаццо, в его живом материально-духовном наследии. Гуляя по Витебску, нет-нет, а задаёшь себе вопрос о Гении места этого города. Кто он? Поднявший витеблян в поднебесье Марк Шагал, оставивший на работах старые витебские заборы, церкви, дома, не пережившие то, что сумел пережить художник? Давид Симанович, пронизавший, словно золотой нитью, любовью к городу

над Западной Двиной свой поэтический путь? Да, а ещё многие, трудившиеся, любившие, вдохновлявшиеся скромной провинциальной красотой Витебска.

Гений — бессмертен, а человек, увы, нет. Уходя, он передаёт эстафету следующим поколениям, а уже достойнейшего из этого поколения, того, кто подымет эту неподъёмную ношу, выбирают Бог и время. Пожалуй, самое главное, зависящее исключительно от человека — перенимая эту эстафету, нести её до конца, стойко преодолевая барьеры, расставленные на этом пути.

Если бы Александр Николаевич Гвоздиков не выбрал для себя путь

художника-монументалиста, я бы писал сегодня об адмирале флота, прошедшем все моря и океаны, прошедшем свои корабли через самые страшные шторма и бури, или о маршале, чьё имя навсегда было бы вписано в самые славные военные скрижали страны. Я без труда могу представить себе Александра Николаевича в военном мундире, принимающим парад, и в равной степени — могу представить его в военной гимнастёрке, выполняющего важнейшее боевое задание. Но Гвоздиков выбрал путь скульптора и теперь внутренний мир и творческий потенциал этого удивительно человека выражается в образах, созданных и создаваемых им во славу родного города.

Во многом жизненный путь предопределяется нашим детством и людьми, которые нас окружают. Родившись в ноябре 1951 г., в семье замечательного художника, поэта, фронтовика Николая Сергеевича Гвоздикова, чей талант, ещё во время обучения в Казанском художественном училище, отмечал сам П. П. Кончаловский, Александр Николаевич, кажется, уже только этим был причислен к миру искусства. И кажется вполне закономерным, что трое из четырёх сыновей Н. С. Гвоздикова пошли по стопам своего отца. Николай Николаевич — выбрал путь художника, а Александр Николаевич и Максим Николаевич — стали скульпторами, продолжателями династии. Мало кто сегодня, когда заходит разговор о Петре Максевиче Явиче, Григории Филипповиче

Кликушине, Владимире Ивановиче Кухареве и других патриархах витебской художественной школы, может с такой искренностью и прорывающимся волнением сказать: «Да, он знал меня ещё мальчишкой», — как это делает Александр Гвоздиков. Окружённый художниками, искусствоведами, окружённый кажется самой историей витебского искусства, Саша Гвоздиков уже в старших классах создал свой первый монументальный проект. Учась в 9-м классе школы № 14 Витебска, Гвоздиков выполнил скульптурный портрет Героя Советского Союза Анатолия Угловского и подарил его музею Угловского, который находился в этой же школе. Когда Александру исполнилось 14 лет, отец отвёл его к известному витебскому художнику Д. П. Генеральницкому. Так началось профессиональное занятие творчеством. В студии Генеральницкого, находившейся при педагогическом институте, Александр Николаевич провёл пять лет — с 1965 по 1970 г., после чего уехал поступать в Белорусский театрально-художественный институт, где его преподавателями стали сразу два Народных художника Белорусской ССР, скульпторы Анатолий Александрович Аникейчик и Андрей Онуфриевич Бембель. Преподавателей Александр Николаевич всегда вспоминает с особенной теплотой. Андрей Онуфриевич Бембель, художник, которого принято считать одним из создателей визуального канона социалистического реализма, сам по происхождению вите-

блянин, закончивший в своё время художественный техникум Керзина, трепетно и с отеческой заботой относился к ученикам.

— Замечательным он был человеком, — улыбаясь, вспоминает учителя Александр Николаевич, — многому нас научил. Мы, студенты, помним его всегда улыбающимся, весёлым. Бембель любил пошутить, а к нам относился по-отечески. Лентяев гонял, отличников поощрял. Но всегда за нас заступался. Был случай, когда за драку из Белорусского государственного театрально-художественного института, где мы учились, выгнали Леонида Тарабуко. Так Бембель лично пошёл за него хлопотать, и Леонида приняли снова! Каким он ещё был? Щедрым! В те годы Бембель, как уже заслуженный скульптор и профессор, получал отличные гонорары и нас, студентов, всегда выручал. Это называлось «детям на молочишко». Правда, тратили мы эти деньги не на молоко... А что сделать, если стипендия была маленькой: двадцать семь рублей, а погулять-то хотелось! Ещё вспоминаю случай: студенты вылепили для одной из школ статую горниста. А директор гонорар не выплачивает, поскольку требуется одобрение кого-то из вышестоящих. Позвали Андрея Онуфриевича. То посмотрел на статую музыканта, высоко держащего горн наподобие человека, выпивающего из горла, и заметил: «Узнаю профессиональный жест!» Работу тут же одобрили и гонорар

выплатили. Мы Бембелю помогали в мастерской. У нас это называлось почётным словом «бембелизация».

Во время одной из таких «бембелизаций» состоялась удивительная встреча, запомнившаяся Александру Николаевичу на всю жизнь. Во время работы в мастерской Андрея Онуфриевича студент Гвоздиков услышал стук в дверь и, памятуя о частых визитах к преподавателю коллег, пошёл впустить гостя. Открыв входную дверь Александр Николаевич застыл на пороге в онемении, поскольку перед ним стоял никто иной, как Пётр Миронович Машеров — легендарный первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Деликатно политик осведомился, в мастерской ли Андрей Онуфриевич, а когда тот, услышав голос Машерова, буквально «слетел» со второго этажа, где работал на тот момент, они бросились друг другу в объятия. Картина трогательная и забавная — высокий, худой Пётр Миронович и круглый, невысокий Бембель. А потом — разговоры, разговоры... Какие редко услышишь сегодня. В дипломной работе Александр Николаевич вер-

нулся к образу Анатолия Угловского. Руководителем выпускного проекта стал всё тот же А. О. Бембель. Спустя пару лет памятник отлит в бетоне и в 1978 г. установлен на 21-м километре шоссе Витебск-Сураж, недалеко от того места, где погиб герой. Без малого полвека памятник Герою Советского Союза Анатолию Ефимовичу Угловскому служит напоминанием о мужестве, о подвиге красноармейца-бронейщика, ценой жизни остановившего контрнаступление немецких танков. К сожалению, за это время, памятник не раз подвергался нападению вандалов. Видимо, предполагая, что остов скульптурной композиции выполнен из цветных металлов, «особо предприимчивые» граждане отламывали пальцы рук, которые скульптор не раз впоследствии бережно восстанавливал.

Тема Великой Отечественной войны и героев, посвятивших жизнь военному делу, неразрывны с творчеством Александра Гвоздиков. Герой художника — мужествен, храбр, решителен, наделён теми же качествами, которыми во многом одарён и сам Александр Николаевич. И всё же, пожалуй, самое главное качество художника — правдивость во всём, что бы он ни делал. После съёмки в фильме «Круглянский мост», где Гвоздиков сыграл

полицая, к нему однажды подошёл капитан милиции и с удивлением спросил: «Откуда такое знание оружия и умение им владеть: люди искусства так не стреляют!» А ведь, хоть немного зная внутренний мир Александра Николаевича, совсем и не удивляешься: образ полицая, сыгранный им, настолько правдоподобен, что вызывает недоумение профессионалов.

Фронтовики, приходившие на концерты В. Высоцкого, часто после прослушивания его военных песен спрашивали, где он воевал. Никого не смущала молодость поэта относительно военного времени. Глядя на военные работы Александра Николаевича, тоже хочется спросить: «Откуда ты-то это знаешь? Где видел?» Работы «Ма-ма», «Власов на эшафоте», «За здоровье товарища Сталина» — поражают глубиной и трагичностью образов. Пронзённый пулей мальчишка-солдат падает на

землю, и в этом стремительном полёте, приближающейся земле и навсегда уходящей жизни он успевает крикнуть только одно слово: «Мама».

— Конечно, во многих исторических вопросах мы ещё только на подступах к правде, — рассуждает Александр Николаевич, — падёт за веса лжи, и рано или поздно, горькая, нелюбимая и нужная только сильным и добрым справедливость восторжествует.

Эти размышления художника отчасти стали генезисом работы «Власов на эшафоте». Власов — безусловно предатель, но в работе Гвоздикова, в первую очередь, он — человек, ошибавшийся в надеждах и убеждениях. Пустота заключена в образе стоящего с поднятыми руками генерала, мечтавшего поступком своим освободить страну от гнёта сталинских репрессий. Он не в силах взглянуть в глаза тем, кто не верит в искренность его помыслов.

Горечь и боль возникают в душе при взгляде на «обрубок», который был здоровым, сильным мужчиной. Фронтовик, лишившийся половины тела, заменяемой небольшой деревянной платформой с колёсиками, единственной уцелевшей рукой поднимает гранёный стакан, чтобы выпить за здоровье того единственного человека, которому он всегда верил, с именем которого и шёл на последний подвиг. Работа «За здоровье товарища Сталина» — ещё одна композиция из страшного военного цикла Гвоздикова «Цена Победы». Глядя на все эти работы по-настоящему ощущаешь истинную цену той Победы.

О мужестве наших солдат в интернациональной войне в Афганистане рассказывает скульптурная композиция Александра Николаевича «Пьета». Девятнадцатилетний солдат выносит с поля боя убитого друга. Во всём облике солдата, несущего тело товарища, видится невероятная тяжесть этой ноши, а на лице читаются одновременно и ужас, и страх, и боль, и непонимание того, для чего всё это происходит. «Пьета» стала одним из экспонатов Витебского городского музея Воинов-интернационалистов, рассказывающих каждому пришедшему об ужасе и бесчеловечности любой войны.

Дотошному путешественнику Витебск, пользуясь своей богатой историей, предлагает как различные маршруты прогулок, так и разноплановых попутчиков в них. Гулять по городу над Западной Двиной можно с Марком Шагалом — пробегая по изогнутым улочкам старого города, мимо храмов и церквей, взлететь над убегающей вдаль рекой, не торопясь, пересекая Кировский мост, продвигаясь в сторону района улицы Покровской, где и затерялся невысокий родительский дом великого художника. Гулять по Витебску можно с Малевичем и его «уновисовцами», то тут, то там отыскивая отголоски пребывания в городе авангардистов. А можно прогуляться по Витебску со скульптором Александром Николаевичем Гвоздиковым. Что особенно приятно, во время этой прогулки, художник может составить вам компанию, с удовольствием рассказывая, как об истории собственных работ, так и о тех, кого он на них изображает. Прогулка с Гвоздиковым могла бы начаться, как мне кажется, с тех же азов творческой судьбы Александра Николаевича, с которых начинали и мы наше сегодняшнее знакомство с художником. На стенах прежнего художественного техникума, где сегодня расположилась известная всем горожанам «Художка», находятся мемориальные доски созданные Александром Гвоздиковым. Прежде всего Андрею Онуфриевичу Бембелю, человеку, сыгравшему огромную роль в творческой судьбе скульптора. А вечно «пламенеющий» Василий Быков, в своё время так же учивший-

ся в художественном техникуме и так же увековеченный Александром Николаевичем в памяти города, был дружен с отцом Гвоздикова, Николаем Сергеевичем. Когда Василий Владимирович, приехав в Витебск, увидел одну из работ Александра Николаевича, он поинтересовался фамилией автора. Узнав: это сын «того самого Гвоздикова», писатель тепло отозвался о годах дружбы с Николаем Сергеевичем, для которого был просто Васильком, (так Быкова звали самые близкие друзья).

Пожалуй, если все эти истории начнёт рассказывать сам скульптор, то короткого промежутка пути от улицы Суворова до площади Свободы не хватит и на половину рассказа. Почему до площади Свободы? Здесь расположился так называемый «Синий дом», ещё одна городская достопримечательность, на месте её до войны находился дом с мастерской Пэна. Сегодня на стене «Синего дома», в память о патриархе витебского искусства, — мемориальная доска, изображающая художника, глядящего в окно на жизнь любимого города. Одной рукой художник держит палитру, а во взгляде легко прочитывается намерение немедленно взяться за работу. Известно: Пэн, воспитавший не одно поколение витебских художников, своих детей не имел. Горькая история любви к единственной музе всей жизни Юдея Моисеевича отражена Александром Николаевичем в незаметной беглому взгляду прохожего, но раскрывающейся внимательному путнику паре голубей, обнимающих

друг друга крыльями.

А дальше — по Замковой, а как же иначе узнать город, если не пройти по одной из старейших его улиц?! Улица оканчивается Кировским мостом, перед которым вас встретит площадь Тысячелетия. В 2016 г. витебскую площадь Тысячелетия украсил удивительный и самый необычный памятник святому благоверному князю Александру Невскому. Уникальность памятника в том, что на привычных монументах, изображающих князя, он дан в образе воина, защитника русского народа, и только в Витебске Александр Невский предстаёт перед нами семьянином. На скульптурной композиции Александр Ярославич изображён с супругой — княжной Александрой Полоцкой, которую он держит за руку, а на другой руке примостился старший сын — Василий, ставший впоследствии князем Великого Новгорода. И это тоже витебская история. Нужно ли и говорить — появлением этого монумента Витебск обязан Александру Гвоздикову?!

За Кировским мостом начинается улица Кирова, ведущая к железнодорожному вокзалу, но, пожалуй, прежде, чем прощаться с городом, стоит немного отклониться от прямого курса, чтобы заглянуть в ещё одно дорогое для горожан место. На пересечении улиц Советской Армии и Покровской (да-да, той самой, где укрылся от городского шума дом родителей Шагала) в тени раскидистых липовых крон в задумчивости застыл Марк Шагал. Художник

в автобиографии «Моя жизнь» так писал: «На улице Покровской я родился ещё раз». Благодаря любви и таланту Александра Гвоздикова, Шагал ещё раз вернулся на Покровскую в 1992 г., когда был открыт памятник.

Марк Захарович изображён на скульптурной композиции уже пожилым человеком, при том, не смотря ни на время, проведённое за пределами Родины, ни на возраст, не утративший детской любви к городу своего детства, городу, который всю долгую жизнь художника оставался его мечтой и его вдохновением. На памятнике Шагал, уже приготовившийся взяться за кисть, прикрывает одной рукой глаза, словно призывая образ Витебска, воскрешая его в памяти, чтобы тут же перенести видение на холст.

Поэтичность образа Шагала улав-

— место знаковое для любого городского пространства. Именно здесь и создаётся первое впечатление от города, и вокзалу же приходится ежедневно провожать гостей, в надежде на скорую новую встречу. Перрон витебского вокзала уже более десяти лет украшает скульптурная композиция «Встречающие», созданная Александром Гвоздиковым в соавторстве с ещё одним замечательным витебским скульптором А.Н. Торосьяном.

ливается очень многими, и это тоже абсолютная заслуга Александра Николаевича. Мало кто из знакомых мне художников так любит и знает поэзию, может с такой лёгкостью, как Гвоздиков, и в таком количестве цитировать наизусть совершенно разных авторов — Блока и Маяковского, Пушкина и Лермонтова, Бомарше и Байрона, Шекспира и Китса. Над своей «поэтической» коллекцией Александр Николаевич работает долгие годы, да только увидеть её можно разве что на редких выставках, да ещё тому счастливцу, который приглашён в святая-святых художника — его мастерскую.

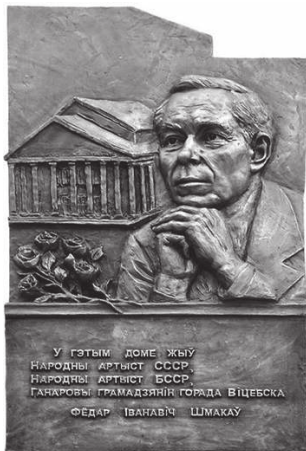
От памятника Шагалу, немного пройдя витебскими дворами, не уступающими в своей загадочности знаменитым дворам Санкт-Петербурга, а колоритом — Одессе, (видимо, сказывается родство людей, населявших наши города), мы окажемся прямо у здания железнодорожного вокзала. Как известно, вокзал

Если вы решите приехать в Витебск железнодорожным транспортом, то именно «Встречающие» будут первыми ожидать вашего приезда. Скульптурная композиция смотрится ещё и тем необычнее, что в окружении динамично развивающегося современного города с его стеклянными торговыми центрами, вас встретят витебляне, одетые по последнему слову моды начала прошлого столетия.

Вспоминается ещё один «анекдот» из жизни нашего попутчика по арт-прогулке. Однажды, вернувшись откуда-то в Витебск, Александр Ни-

колаевич увидел у «Встречающих» группу фотографирующихся молодых людей. Обычно очень скромный Гвоздиков, на сей раз решил обратить на себя внимание и осведомился у фотографирующихся, не хотят ли они сделать снимок с автором скульптуры. Недоверчивые фотографии просто отправили «приставучего гражданина» по известному адресу, а известный своей необидчивостью и искромётным чувством юмора Александр Николаевич побежал скорее домой, рассмешить семью забавной историей.

Витебск — город странного отношения с понятием «время». При первом знакомстве кажется, что времени здесь не существует и вовсе. При более близком знакомстве понимаешь, что витебское время — в неспешном течении Западной Двины, в уходящих и приходящих поездах, в колокольном перезвоне храмов, то и дело наполняющем город. В остальном — да, времени в Витебске нет. Оно затерялось в листве каштанов, в узких петляющих улочках, в скверах и парках, столь красящих город по летнему времени.

И нет ничего удивительно в том, что и по сей день можно встретить на улицах Витебска задумчивого Шагала, что из оконного проёма на тебя посмотрит, отодвинув занавеску, Юдель Пэн, что встречать и провожать тебя на вокзале будут современники Серебряного века русской поэзии. В Витебске есть время, просто здесь оно дома и ему некуда торопиться. Но есть те, кто своим талантом пишут несмыслимый вечный портрет витебского времени, даря его нам. Спасибо!